
Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти

Нуркова В. В., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии ФБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова» (nourkova@mail.ru)

Василенко Д.А., клинический психолог, выпускница ФБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова» (baskun4ak@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с пластичностью автобиографической памяти, учет которых важен на всех этапах правоприменительной практики. По результатам анализа кейсов и массовых исследований делается вывод о том, что различные компоненты воспоминаний демонстрируют неодинаковую подверженность нарастающим со временем искажениям. Максимальное количество ошибок наблюдается при локализации события во времени и установлении последовательности микро-событий в рамках более общего события. При этом сохраняется высочайшее доверие к истинности своих воспоминаний. Далее на материале результатов экспериментов и данных, полученных при анализе повторных интервью политических деятелей, обсуждается основной механизм трансформации воспоминаний – инфляция воображением, который заключается в том, что воспоминание о продукте воображения ошибочно принимается человеком за воспоминание о реальном случае и встраивается в систему автобиографической памяти. Приводятся данные о том, что повышение субъективной вероятности события и авторитетность источника, от которого ретроспективно исходит искажающее описание события, оказывают дополнительное влияние на принятие его новой версии.

Ключевые слова: конструктивность когнитивных процессов, автобиографическая память, субъективная достоверность, пластичность воспоминаний.

Для цитаты:

Нуркова В.В., Василенко Д.А. Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С.182-192.
doi: 10.17759/psylaw.207070115

For citation:

Nourkova V.V., Vasilenko D.A. The power of imagination / The weakness of dating: on two

---

origins of autobiographical memory distortion. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.182-192. doi: 10.17759/psylaw.2017070115

В современной правоприменительной практике все большую роль играют объективные источники – например, данные, полученные в рамках криминологических, биологических и технических экспертиз. Однако ошибочно было бы полагать, что полное устранение фактора человеческой субъективности из области правовых взаимоотношений является возможным и желательным. В большинстве случаев инициирование, течение и завершение процесса как гражданского, так и уголовного судопроизводства опирается на психологические, в частности, мнемические феномены. Так, само содержание обращения гражданина в органы юстиции по сути представляет собой вербально оформленное воспоминание о травмировавшей его ситуации прошлого. Ход разбирательства немыслим без фиксации показаний потерпевших, свидетелей и подозреваемых, которые также заключаются в извлечении материала из памяти. Уже в рамках судебного заседания доказательная база по делу рассматривается и оценивается судьями и присяжными не нейтрально, а неизбежно преломляется сквозь призму их личного опыта. Отсюда следует, что знание закономерностей работы памяти является существенной компетенцией для работников правовой сферы [1].

Особенно важным представляется понимание проблемы пластичности автобиографической памяти и способность квалифицированно отслеживать действие факторов, провоцирующих искажение воспоминаний. Ниже будут рассмотрены результаты современных исследований, которые отвечают на вопросы о том, какие аспекты автобиографических воспоминаний наиболее подвержены трансформациям и какие механизмы обуславливают данный процесс.

Наиболее пластичные компоненты автобиографических воспоминаний

Для проверки предположения о неравномерной чувствительности различных компонентов воспоминаний к искажениям нидерландский исследователь У. Вагенаар в течение 6 лет ежевечерне записывал одно-два наиболее значимых эпизода из произошедших за день (Wagenaar, 1986). Каждое из событий записывалось в стандартном формате, включающем в себя ответы на вопросы «Что?», «Кто?», «Где?», «Когда?» и наиболее яркую критическую для воспроизведения отличительную деталь события. За шестилетний период было собрано 2400 описаний событий. Процедура тестирования началась через полгода после записи первого события и заключалась в том, что ассистент предъявлял автору «подсказки» для воспроизведения до тех пор, пока событие не было точно воспроизведено, либо не было признано, что оно не поддается воспроизведению. Подсказки предъявлялись в 24 возможных вариантах последовательностей: Что?; Кто?; Где?; Когда? Ответ считался правильным, если после соответствующего количества подсказок следовало название оставшихся ключевых параметров.

Вагенаар установил, что различные аспекты воспоминания в целом демонстрировали неравную вероятность аккуратного воспроизведения. Точнее всего по подсказкам воспроизводились главное действующее лицо воспоминания (при предъявлении единичного ключа типа «Кто?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Что?» – 62%, «Где?» – 29% и «Когда?» – 2%, итого в среднем 31% точных

ответов) и локализация места события (после ключа «Где?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Кто?» – 28%, «Что?» – 58% и «Когда?» – 3%, итого в среднем 30% точных ответов). Существенно хуже воспроизводилась суть события (после ключа «Что?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Кто?» – 26%, «Где?» – 29% и «Когда?» – 2%, итого в среднем 19% точных ответов). Датировка события представляла наибольшую трудность (после ключа «Когда?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Что?» – 19%, «Где?» – 13% и «Кто?» – 7%, итого в среднем 13% точных ответов). Из приведенных данных видно, что наиболее эффективно актуализация воспоминания осуществлялась после подсказок типа «Что?» и «Где?», промежуточное положение занимала подсказка «Кто?», а подсказка по времени продемонстрировала наименьшую эффективность, причем независимо от времени, прошедшего после записи события.

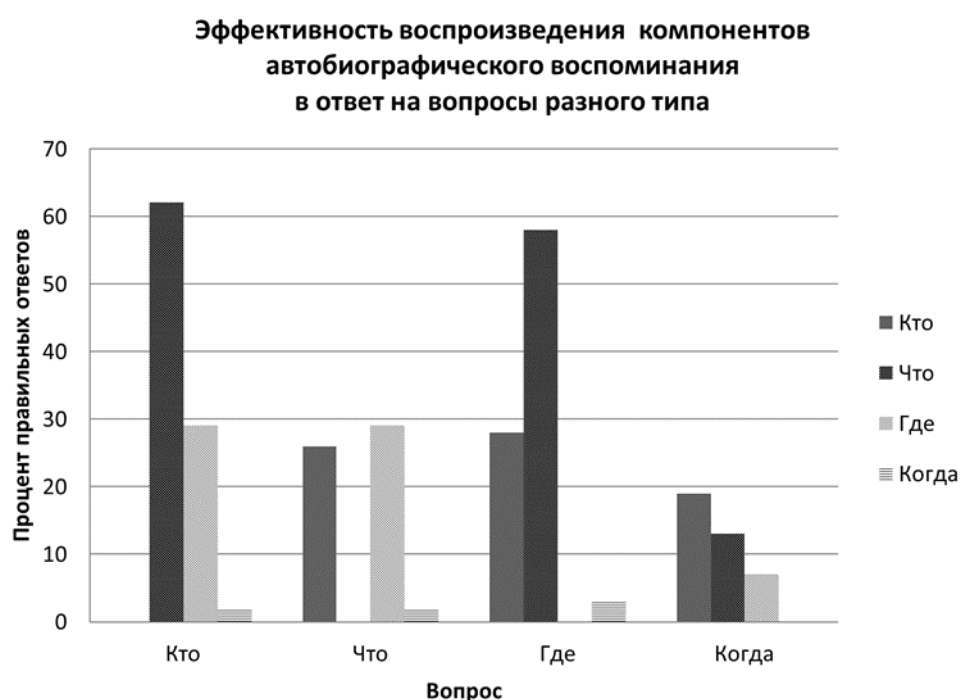

Рис.1. Эффективность воспроизведения компонентов воспоминания в ответ на вопросы разного типа (по данным Wagenaar, 1986)

Вывод об особой уязвимости для трансформаций временного (в формах датировки и событийной последовательности) аспекта воспоминаний, сделанный Вагенааром в результате анализа единичного случая, подтверждается и в массовых исследованиях воспоминаний респондентов о хорошо задокументированных общественно значимых событиях. Анджо Конвей с коллегами исследовали спонтанную пластичность АП на материале воспоминаний о террористических атаках на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11.09.2001 (Conway, et al., 2009). В исследование была включена репрезентативная выборка респондентов (около 700 человек), которая приняла участие в опросе в течение суток после события и затем еще дважды с годичным интервалом. Респонденты заполняли опросник из 12 пунктов, включающих вопросы типа «Где вы находились в тот момент, когда узнали о террористической атаке на ВТЦ?», «Кто находился рядом с вами в тот момент, когда вы узнали о событии?», «В какой конкретно час вы узнали о событии?», и т. п. Кроме того респонденты давали ретроспективный отчет о своем эмоциональном состоянии после

того, как они узнали о событии. При этом они могли отметить любое количество из 15 перечисленных в списке состояний (например, гнев, ненависть, беспомощность, потребность быть рядом с другими людьми, растерянность, ужас и др.).

Авторы получили следующие основные результаты. Во-первых, это результат о независимости динамики аккуратности воспоминаний от пола, возраста, уровня образования и места проживания респондентов. Во-вторых, высокую консистентность в данном исследовании показала оценка эмоционального состава и интенсивности первичной реакции на событие. Устойчивость ответов варьировала для разных вопросов. Так, наиболее устойчивыми оказались ответы на вопросы о месте получения информации и об окружающих в этот момент людях (80–87% идентичных в последовательных временных срезах ответов), а наименее устойчивыми – вопросы о точном времени (29% идентичных ответов) и о действиях, последовавших сразу за известием («Кто был первым, кому вы позвонили после случившегося?», «Кто был первым, кто позвонил вам после случившегося?», 37% идентичных ответов). При этом для всех пунктов наблюдался высокий уровень субъективного доверия к воспоминаниям (в среднем 4.5 из 5 баллов), который не демонстрировал снижения со временем.

Таким образом, можно заключить, что даже личные воспоминания, закрепленные дневниковой записью, не отличаются высокой точностью, а наибольшей уязвимостью характеризуются временные аспекты воспоминания и его сюжетная составляющая. Очевидно не только теоретическое, но и прикладное значение данного результата – люди действительно достаточно хорошо помнят, кто действовал как центральный актанта события прошлого и где это событие имело место, и экстраполируют свою уверенность в точности этих аспектов воспоминания на другие его аспекты, а именно, на воспоминания о сюжетной последовательности в дате события, которые на самом деле могут воспроизводиться неточно.

Механизмы трансформации автобиографических воспоминаний: инфляция воображением и ошибочная атрибуция источника происхождения материала

Ряд экспериментов, проводившихся в течение последних 20 лет, показал, что определенные процедуры способны привести к формированию ложных воспоминаний, обладающих высокой субъективной достоверностью и представленных в форме подробного, яркого и детального образа (Pezdek, Lam, 2007; Wade, et al., 2007; Нуркова, 2008).

Максимальный эффект присвоения ложных воспоминаний дает механизм, названный «инфляция воображением» (от англ. inflate – раздувать, надувать). Действие данного механизма является следствием того, что создание перцептивно богатого образа, адресованного прошлому, практически не отличается от следа реально произошедшего события и может ошибочно включиться в систему АП. При этом повторные акты воображения усиливают эффект, имитируя припоминания. Таким образом, происходит ошибочная атрибуция источника происхождения содержания сознания – воспоминание о продукте воображения принимается человеком за воспоминание о реальном случае. Дополнительное влияние оказывают также адресация к авторитетному источнику, подтверждающему истинность воспоминания (например, родитель или фотография) и субъективное повышение вероятности реальности события.

Так, в одной из пионерских работ Хаймена, Хасбанда и Биллинга данный механизм был продемонстрирован на материале имплантации воспоминаний о низко вероятных событиях детства (Human, Husband, Billings, 1995). Экспериментаторы заранее запрашивали у родителей студентов – участников исследования описания событий, которые произошли с их детьми в дошкольном детстве. Также были созданы описания ложных событий якобы относящихся к возрасту 5–6 лет «на свадебном обеде пролил чашу с пуншем на одежду одного из родителей невесты» и «в бакалейном магазине произошла эвакуация из-за неправильно сработавшей пожарной сирены». Испытуемых просили трижды последовательно как можно более детально вспомнить все события. К третьему интервью было воспроизведено 94% из верифицированных родителями воспоминаний и 25% из сконструированных экспериментаторами.

В следующей серии экспериментов Хаймана и Пентланда (Human, Pentland, 1996) было показано, что возможно формировать ложные воспоминания, не прибегая к их описанию. Процедура включала в себя три последовательных интервью. Испытуемому предлагался список ключевых слов (возраст, место, занятие, вовлеченные в действие люди), в ответ на которые нужно было воспроизвести конкретное воспоминание. Предлагаемые наборы относились либо к реальным случаям из детства испытуемых (данные были получены от родителей), либо были сконструированы экспериментатором. В том случае, если испытуемый из экспериментальной группы не мог сразу вспомнить событие по заданным ключевым словам, его просили в течение минуты максимально ярко и детально вообразить заданное событие. В контрольной группе испытуемого просили в течение того же времени пытаться вспомнить событие, не представляя его. В условиях торможения воображения на второй или третьей сессии истинные события воспроизводились в 30% случаев, а в условиях воображения воспроизведение истинных воспоминаний состоялось в 65% случаев. С другой стороны, в условиях торможения воображения ложное воспоминание так или иначе сформировалось в 12% случаев, в то время как в экспериментальных условиях – в 37%. Важно отметить, что субъективная ясность ложных воспоминаний возрастала с каждым интервью. Таким образом, был получен результат о вкладе воображения в формирование воспоминаний, причем как адресующихся к реально произошедшим событиям, так и полностью ложных.

Впечатляющие результаты были получены группой под руководством Н. Спаноса для имплантации рационально невозможных для запоминания событий младенчества (Spanos, et al., 1999). В данном случае испытуемых приглашали принять участие в образовательном тренинге «Мир глазами младенца». Испытуемому предлагалось проделать ряд упражнений, представляя себе то, что мог бы увидеть вокруг себя младенец, находящийся в детской кроватке, в частности «вращающийся механизм над своей колыбелью». Затем через неделю испытуемых опрашивали снова, причем тематика тренинга и последующей встречи с исследователями были для них субъективно независимыми. На повторной встрече 92% испытуемых утверждали, что помнят первые месяцы своей жизни. При этом 54% генерировали подробный образ вращающейся игрушки у них над колыбелью.

Поскольку все манипуляции по имплантации сконструированных воспоминаний, включающие воображение, исходят из тезиса о том, что «вообразить событие – значит пережить событие», а в акте воображения ведущим является визуальный компонент, возникла идея дополнить вербальное описание ситуации убедительными визуальными образами в качестве триггера воображения.

Классической в данном направлении исследований стала работа К. Уейд с коллегами (Wade et al., 2002), в которой авторы с помощью редактора PhotoShop создавали коллажи, включающие в себя фрагмент детской фотографии испытуемого с родителем, помещенные в корзину летящего воздушного шара. Данный контекст рассматривался как невозможный, поскольку в Новой Зеландии, где проводилось исследование, полеты детей на воздушном шаре запрещены. Испытуемым в течение трех последовательных интервью показывали реальные и фальсифицированные фотографии и просили рассказать о тех событиях, которые на них изображены. После каждого предъявления фальсифицированной фотографии проводилась процедура направленного воображения, в рамках которой требовалось представить детально целевую ситуацию. К третьему интервью были созданы убедительные для самих испытуемых воспоминания о 94% событий, построенных на основе реальных фотографий и более чем о 50% событий – из опирающихся на фальсифицированные фотографии. Интересно, что анализ речевой продукции испытуемых, принявших ложные воспоминания, показал преимущественно активный характер конструирования воспоминаний. Было выявлено, что только 30% утверждений из отчетов были основаны на информации, извлеченной из фотографии (в обоих случаях: на основе фальсифицированной фотографии и на основе реальной фотографии), а остальные 70% адресовались ситуации за пределами кадра. Данная интерпретация была значительно усилена в последующей работе Линдсея с коллегами, где испытуемым показывались нейтральные фотографии, не имеющие отношение к целевому ложному событию, которое предлагалось «вспомнить» (Lindsay, 2004). Испытуемым показывали групповое фото одноклассников и просили воспроизвести два реальных и одно ложное событие. Демонстрация нейтральной фотографии давала даже больший эффект, чем в предыдущем исследовании – более 60% генерировали подробное воспоминание о ложном событии.

Приведем пример интервью из исследования Уейда с коллегами, в котором фиксируется развитие ложного воспоминания:

Интервью 1.

Интервьюер (показывает фотографию полета на воздушном шаре): Итак, расскажите мне все, что возможно, о событии, которое запечатлено на этой фотографии.

Интервьюируемый: Хм... Никогда не думал, что я летал на воздушном шаре.

Интервьюер: Вы ничего не помните об этом событии?

Интервьюируемый: Это действительно я на фото... Но нет никакого воспоминания.

Интервьюер: Может быть, вы хотите подумать несколько минут, чтобы попытаться найти воспоминание? Вспомнить хоть что-то об этом событии?

Интервьюируемый: Нет.. Честно, у меня ничего не получается. Это так досадно...

Интервью 3.

Интервьюер: Попробуйте вспомнить о событии все, что возможно, ничего не оставляя вне своего внимания.

Интервьюируемый: Хм, пытаюсь определить сколько лет было тогда моей сестре... Пытаюсь разобраться, когда точно это было... Ну я определенно уверен, что это было, когда я учился в первом классе... школа была неподалеку... Хм... За 10\$ или около того можно было залезть на воздушный шар и подняться метров на 20. Должно быть, это было в субботу, и я был там вместе с родителями... не совсем уверен в этом... но точно не с бабушкой. Не могу вспомнить точно, кто из взрослых был тогда со мной. Нет, я все-таки абсолютно уверен, что там была мама, и это она сделала фотографию с земли, когда я был в воздухе.

Как уже было указано выше, вероятность принятия ложного воспоминания и субъективная уверенность в его истинности возрастают в том случае, если оценка вероятности того, что событие имело место в реальности, высока, а утверждение о реальности события исходит из авторитетного источника.

В работе Дж. Маззони экспериментатор изображал врача-психотерапевта, который на основе анализа рассказанного испытуемым сновидения приходил к «выводу», что данный сон свидетельствовал о наличии в опыте «подавленного» воспоминании об утоплении (Mazzoni et al., 1999). Исходившее от экспериментатора утверждение о том, что после просмотра видеоматериалов он совершенно уверен в том, что в показанной по телевидению хронике с места событий терактов в Москве в 1999 г. присутствовали кадры с домашними животными, приводили к тому, что значимое меньшинство респондентов включали рассказы о различных животных в свои воспоминания об этих событиях (Нуркова, Лофтус, Бернштейн, 2004).

Предпринимались также попытки повышения субъективной вероятности события, которые однозначно влияли на восприимчивость к ложным воспоминаниям (Mazzoni, Loftus, Kirsch, 2001). Участников эксперимента помещали в специально организованную среду, где явление «одержимость дьяволом» представлялось как вполне рядовое и вероятное событие. Для этого в помещении, где испытуемые якобы «ждали», пока их вызовут для проведения основного эксперимента, размещались предметы, направленные на то, чтобы повысить субъективную вероятность целевого феномена, например, журналы со статьями об одержимости дьяволом, газеты, где политические деятели признавались, что в детстве были одержимы и т. д. (конечно, все эти предметы были специально изготовлены для эксперимента). Проведя около получаса в подобной обстановке, испытуемые демонстрировали склонность соглашаться с утверждением о том, что были в прошлом свидетелями одержимости дьяволом.

Отчасти параллельно с данными работами разворачивался анализ зафиксированных в средствах массовой информации воспоминаний различных политических деятелей. Так Дэниель Гринберг проанализировал три последовательных публичных выступления президента США (2001–2009) Джорджа Буша, в которых он вспоминал о том, как он узнал об атаке на Всемирный торговый центр 9.11.2001 (Greenberg, 2004). В первом интервью от 4.12.2001 на вопрос, как он узнал о террористических актах в Нью-Йорке, Буш ответил, что находился в штате Флорида в аудитории и увидел на экране включенного беззвучно телевизора самолет, врезающийся в башню Всемирного торгового центра. При этом он подумал «Ужасная ошибка пилота» и сказал: «Должно быть, произошла ужасная катастрофа». Затем в аудиторию вошел начальник администрации Энди Кард и произнес: «Америка атакована». Спустя 16 дней 20.12.2001 Буш озвучил другое воспоминание. По его словам, его советник Карл Ров принес новость, сообщив, что инцидент в Нью-Йорке произошел по вине маленького двухмоторного самолета. Буш утверждал, что сначала подумал об ошибке пилота и не мог поверить, что случилось подобное несчастье. Поэтому

он предположил, что у пилота произошел инфаркт. Подойдя к экрану работающего телевизора, Буш увидел таран южной башни ВТЦ в тот момент, когда Энди Кард вошел в аудиторию и сказал: «Америка атакована!». Третье и самое краткое из рассматриваемых интервью было дано 05.01.2002. В нем Буш сказал следующее: «Я сидел в аудитории, туда зашел шеф моей администрации в тот момент, как я увидел по телевидению, как самолет протаранил первую башню ВТЦ. Сначала я подумал, что это ошибка пилота или что-то случилось с самолетом. Но Энди сказал, что Америка атакована». Кроме очевидных несовпадений в трех приведенных интервью, очевидно, что воспоминания президента США включают в себя объективно невозможные элементы. Буш не мог видеть по телевидению тарана Северной башни ВТЦ, так как съемочные группы приехали на место после первого «акта» трагедии, в прямом эфире происходил таран второй Южной башни. Автор считает, что причина ошибочности воспоминаний в ретроспективной проекции последующей информации на изначально зафиксированную ситуацию, которая характеризовалась неопределенностью и высокой стрессогенностью. Данный эффект, заключающийся во влиянии информации, полученной после свершения события, на содержание воспроизводимого события, был назван *post-event information effect*, является универсальным и верифицирован в десятках исследований (см. обзор: French, Garry, Loftus, 2009).

Выводы

- Анализ литературы по проблеме пластичности АП приводит к выводу о том, что она является восприимчивой как к внутренним, так и к внешним факторам трансформации ее содержаний, что контрастирует с высоким доверием её носителя к истинности автобиографических воспоминаний.
- Выявлены наиболее пластичные компоненты воспоминаний: его временная локализация и сюжетная последовательность микро-событий в рамках целостного события.
- Для того, чтобы автобиографическое воспоминание было принято как истинное, оно должно опираться на детализированный образ, который может быть как результатом проживания реального события, так и результатом акта воображения. Частота присвоения ложного воспоминания возрастает в том случае, если его описание исходит из заслуживающего доверия источника и оценивается как высоко вероятное. Многократное включение сконструированного воспоминания в психологический обиход делает его практически неотличимым от ранее сформировавшихся воспоминаний.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-36-01045 «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти».

Литература

1. Нуркова В.В. Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 5. С. 15–30.
2. Нуркова В.В., Бернштейн Д.М., Лофтус Э.Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 67–74.

3. Нуркова В.В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сб. науч. Трудов / Под ред. В.Д. Соловьева и Т.В. Черниговской. Т. 2. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 87–102.
4. Conway A., Skitka L.J., Hemmerich J.A., Kershaw T.C. Flashbulb Memory for 11 September 2001 // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23(5), P. 605–623.
5. French L., Garry M., Loftus E.F. False memories: A kind of confabulation in non-clinical subjects // Confabulation. Views from neuroscience, psychiatry, psychology, and philosophy / W. Hirstein (Ed.). Oxford, NY: Oxford University Press, 2009. P. 33–67.
6. Greenberg D. President Bush's False 'Flashbulb' Memory of 9/11/01 // Applied Cognitive Psychology. 2004. Vol. 18, P. 363–370.
7. Hyman I.E., Husband T.H., Billings F.J. False memories of childhood experiences // Applied Cognitive Psychology. Vol. 9(3), P. 181–197.
8. Hyman I.E., Pentland J. The role of mental imagery in the creation of false childhood memories // Journal of Memory and Language. 1996. Vol. 35 (2). P. 101–117.
9. Lindsay D. S., Hagen L., Read J. D., Wade K. A., & Garry M. True photographs and false memories // Psychological Science. 2004. Vol.15, P.149–154.
10. Mazzoni G. A. L., Lombardo P., Malvagia S., & Loftus E. F. Dream interpretation and false beliefs // Professional Psychology: Research and Practice. 1999. Vol.30, P. 45–50.
11. Mazzoni G.A.L., Loftus E.F., Kirsch J. Changing beliefs about implausible autobiographical events: a little plausibility goes a long way // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2001. Vol. 7 (1), P.51-59.
12. Pezdek K., Lam S. What research paradigms have cognitive psychologists used to study "False memory," and what are the implications of these choices? // Consciousness and Cognition. 2007. Vol.16, P.2–17.
13. Spanos N. P., Burgess C. A., Burgess M. F., Samuels C., & Blois W. O. Creating false memories of infancy with hypnotic and non-hypnotic procedures // Applied Cognitive Psychology. 1999. Vol.13(3), P.201-218.
14. Wade K. A., Garry M., Read J. D., & Lindsay S. A picture is worth a thousand lies: Using false photographs to create false childhood memories // Psychonomic Bulletin & Review. 2002. Vol.9, P.597–603.
15. Wade K.A.1., Sharman S.J., Garry M., Memon A, Mazzoni G., Merckelbach H., Loftus E.F. False claims about false memory research // Conscious and Cognition. 2007. Vol.16(1), P.18-28.
16. Wagenaar W.A. My memory: A study of autobiographical memory over six years // Cognitive Psychology. 1986. Vol.18, P.225–252.

The power of imagination / The weakness of dating: on two origins of autobiographical memory distortion

Nourkova V. V., Ph.D., DocSci in Psychology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University
(Nourkova@mail.ru)

Vasilenko D. A., Ph.D. student in Psychology, Lomonosov Moscow State University
(baskun4ak@mail.ru)

The article focuses on issues of autobiographical memory malleability which are of high relevance to forensic practice. Taking into account both single case report and mass studies we revealed that time is the weakest aspect of autobiographical recollection. Namely, dating of past event and ordering of event components are prone to memory distortion to the maximum extent. Paradoxically, it coincides with high confidence in accuracy of event recalled. Then we shifted to the most discussed in the relevant literature mechanism of memory transformation i.e. imagination inflation. This mechanism consists of mistaking just imagined event for a real one. We also noted that high subjective probability of imagined event and reliable source of misinformation make significant impact into memory transformation.

Key words: constructiveness of cognition, autobiographical memory, subjective confidence, autobiographical memory's malleability.

Funding

This work was supported by grant RFH № 15-36-01045.

References

1. Nourkova V.V. Problema istinnosti avtobiograficheskikh vospominanij v processe sudoproizvodstva [The problem of autobiographical memory accuracy during forensic process] // *Psikhologicheskii Zhurnal [Psychological Journal]*, 1998, vol. 19, no. 5, pp.15–30.
2. Nourkova V.V., Bernstein D.M., Loftus E.F. Echo vzryvov: sravnitel'nyi analiz vospominanyi moskvichei o terroristicheskikh aktah 1999 g. (Moscvva) i 2001 g. Niu (Yiork) [Echo of explosions: Comporative analysis of recollections about the terrorists attacks at 1999 (Moscow) and 2001 (New-York city)] // *Psikhologicheskii Zhurnal [Psychological Journal]*. 2003, vol. 24, no. 1, pp. 64–72.

3. Nourkova V.V. Doverchivaja pamjat': Kak informacija vključaetsja v sistemu avtobiograficheskikh znanij. Kn: Kognitivnye issledovanija: sb. nauchnyh trudov. T. 2 / [Credulous Memory: How the information is accepted by a system of autobiographical knowledge. Cognitive studies]. V.D. Soloviev, T.V.Chernigovskaya (eds.) Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2008, pp. 87–102.
4. Conway A., Skitka L.J., Hemmerich J.A., Kershaw T. C. Flashbulb Memory for 11 September 2001 // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. Vol.23 (5), P. 605-623.
5. French L., Garry M., Loftus E.F. False memories: A kind of confabulation in non-clinical subjects. In W.Hirstein (Ed.): *Confabulation. Views from neuroscience, psychiatry, psychology, and philosophy*. Oxford, NY: Oxford University Press, 2009. P. 33–67.
6. Greenberg D. President Bush's False 'Flashbulb' Memory of 9/11/01 // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol.18, P. 363–370.
7. Hyman I.E., Husband T.H., Billings F.J. False memories of childhood experiences // *Applied Cognitive Psychology*. Vol.9(3), P.181-197.
8. Hyman I.E., Pentland J. The role of mental imagery in the creation of false childhood memories // *Journal of Memory and Language*. 1996. Vol.35 (2), P.101-117.
9. Lindsay D. S., Hagen L., Read J. D., Wade K. A., & Garry M. True photographs and false memories // *Psychological Science*. 2004. Vol.15, P.149–154.
10. Mazzoni G. A. L., Lombardo P., Malvagia S., & Loftus E. F. Dream interpretation and false beliefs // *Professional Psychology: Research and Practice*. 1999. Vol.30, P. 45–50.
11. Mazzoni G.A.L., Loftus E.F., Kirsch J. Changing beliefs about implausible autobiographical events: a little plausibility goes a long way // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2001. Vol. 7 (1), P.51-59.
12. Pezdek K., Lam S. What research paradigms have cognitive psychologists used to study "False memory," and what are the implications of these choices? // *Consciousness and Cognition*. 2007. Vol.16, P.2–17.
13. Spanos N. P., Burgess C. A., Burgess M. F., Samuels C., & Blois W. O. Creating false memories of infancy with hypnotic and non-hypnotic procedures // *Applied Cognitive Psychology*. 1999. Vol.13(3), P.201-218.
14. Wade K. A., Garry M., Read J. D., & Lindsay S. A picture is worth a thousand lies: Using false photographs to create false childhood memories // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2002. Vol.9, P.597–603.
15. Wade K.A.1., Sharman S.J., Garry M., Memon A, Mazzoni G., Merckelbach H., Loftus E.F. False claims about false memory research // *Conscious and Cognition*. 2007. Vol.16(1), P.18-28.
16. Wagenaar W.A. My memory: A study of autobiographical memory over six years // *Cognitive Psychology*. 1986. Vol.18, P.225–252.